

УДК 111 + 152.27

С. Л. Шалаева, кандидат философских наук, доцент
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

ДЕТИ ИНДИГО И МИФОЛОГИЗАЦИЯ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В статье с социально-философских позиций рассматривается феномен детей Индиго, появление которого констатирует реальную проблему современности. Обсуждаемый феномен хотя и имеет в основании своем объективные причины, обусловленные кардинальными изменениями в мире Детства и нарастающей кризисностью межпоколенных отношений, которые вызваны общественными изменениями в эпоху глобализации, однако во многом содержит значительное число надуманных, мифологизированных и конъюнктурных взглядов и установок.

In the article the Indigo Children phenomenon, which emergence states the real present problem, is considered. The discussed phenomenon though is based on the objective reasons, caused by cardinal changes in the world of Childhood and the growing crisis of intergenerational relations, these changes are caused by the social changes in the epoch of globalization. However the discussed phenomenon in many ways contains a considerable number of farfetched, myphologized and opportunistic views and guidelines.

Введение. В центре внимания проведенного исследования новый феномен современного философского и социально-гуманитарного знания современности, получивший наименование «дети Индиго». Наступающая городская, информационно-компьютерная, мультикультурная по своим ценностям и установкам цивилизация необычайным образом перевоспитывает детей и взрослых в их едином социокультурном пространстве, порождая соответствующие ей метаморфозы и гиперболические формы бытия человека. Эта цивилизация, чрезмерно фокусируясь на феномене личности и успеха, порой изобретает все новые мифологизированные образы действительности, продвигая их в массовое сознание современного общества, влияя на формирование искаженного восприятия и этой реальности, и места самого человека в ней.

Нередко эти «изобретения» в значительной степени противоречивы и порождены различными формами субъективности и объективации, разумеется, в тех условиях и под влиянием тех факторов, с которыми исследователям приходится сталкиваться в своей деятельности. На поверку немалое число из этих «горячих», вновь прививаемых в науке понятий оказываются всего лишь весьма искусно созданными, сконструированными, далекими от реальности симулякрами. И хотя это конструирование нередко осуществляется по действительно научным правилам, используемым устремленными к сенсации и успеху их создателями, но сути дела это не меняет. Понятие остается противоречивым и неоднозначным феноменом социально-гуманитарного знания.

Основная часть. В середине 70-х гг. прошлого века американский психолог и биоэнергетик Нэнси Энн Тейп в рамках собственных

медицинских исследований изучала цвета человеческой ауры и их возможное значение. В 1982 г. в своей книге «Осознание жизни через цвет» (*Understanding Your Life Through Color*) Нэнси классифицировала определенные виды человеческих свойств и моделей поведения, которые соотносятся с цветами электромагнитного поля, окружающего все сущее. Обычно для человека это поле золотистого цвета. В ходе многочисленных исследований трудных детей Нэнси впервые обнаружила темно-синий цвет, который наблюдала в ауре примерно восьмидесяти процентов детей, рожденных после 1980 г. Она назвала этот новый цвет «индиго», а таких детей – детьми Индиго.

Широкое распространение термин «дети Индиго» получил в 1999 г. после успеха книги Ли Кэрролла и его жены Джен Тоубер «*The Indigo Children: The New Kids Have Arrived*». Вывод, который делается в этой книге, заключается в том, что современные дети стали другими – они более беспокойны, более развиты интеллектуально, более конфликтны, более интуитивны, более духовны, а в некоторых случаях даже более жестоки (как в случае с убийствами, которые были совершены в ряде школ), чем все предыдущие поколения [1, с. 7]. Это заставляет взрослых искать новые методы домашнего и школьного обучения, которые бы резко отличались от прежних приемов и методов.

В конце 1990-х гг. термин получает еще большее распространение благодаря упоминанию в источниках, имеющих отношение к движению нью-эйдж. Нью-эйдж (англ. *New Age*, буквально, – «новая эра») – религии «нового века» – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического

характера, также называемое движением «Новой эры», «Эрой Водолея» и «Новым веком». Движение зародилось и сформировалось в XX в. в процессе развития независимых теософских групп Великобритании и других стран. Название движения связано с его ориентацией на астрологическую эпоху – «Эру Водолея». Начало этой эпохи относят к современности или ближайшему будущему (XX–XXII столетиям). По мнению последователей нью-эйджа, оно ознаменуется грандиозным эпохальным скачком в духовном и ментальном развитии человечества [2].

Джен Тубер выделяет самые общие особенности поведения детей Индиго:

1) приходят в этот мир с ощущением собственного величия (и часто действуют соответствующим образом);

2) чувствуют, что «находятся здесь по праву», и удивляются, если другие не разделяют этого мнения;

3) не сомневаются в своей миссии. Нередко они объясняют родителям, «кто они есть»;

4) для них почти не существует абсолютных авторитетов (которым необходимо беспрекословно и безусловно повиноваться);

5) есть вещи, которые они просто не желают делать (например, стояние в очереди для них невыносимо);

6) теряются, сталкиваясь с системами, которые требуют соблюдения ритуалов и не допускают творческой мысли;

7) нередко видят наилучший (для себя) способ решения проблем как дома, так и в школе, из-за чего их воспринимают как «нарушителей порядка» (не умеющих приспособиться к какой-либо системе);

8) кажутся необщительными, если не находятся в компании себе подобных. Если рядом нет никого, кто обладал бы подобным менталитетом, они часто замыкаются в себе, чувствуя, что никто в мире их не понимает. Обучаясь в школе, иногда испытывают трудности в плане общения;

9) не реагируют на «воспитание наказанием»;

10) не стесняются сообщать о своих потребностях [1, с. 9–10].

Детям Индиго приписывают множество различных свойств: высокий уровень интеллекта, необычайная чувствительность, телепатические способности и многие другие. Утверждается также, что дети Индиго будто бы представляют собой «новую расу людей». В Англии таких детей называют «детьми тысячелетия», или киборгами, потому что в своих поступках они руководствуются больше головой, чем сердцем, во Франции – «тефлоновыми» (так как к ним не «прилипают» общепринятые правила

поведения). Российские ученые дают таким детям следующее определение – «дети нового сознания», или «дети света». Число таких детей нарастает. По мнению Ю. Земуна, уже сегодня от 40 до 90% новорожденных – Индиго, а очень скоро все население Земли будет Индиго [3, с. 11].

Специфика личностных и поведенческих характеристик детей Индиго обозначается как асоциальность, низкая коммуникабельность, склонность замыкаться в себе; самоуважение, индивидуализм, нежелание подчиняться другим, неприятие авторитетов; большой творческий потенциал в сочетании с высоким уровнем интеллекта; склонность приобретать знания эмпирическим путем; интерес к далеким друг от друга предметам; неусидчивость, энергичность, дефицит внимания; импульсивность, резкие перепады настроения и поведения, при неблагоприятном стечении обстоятельств склонность к депрессиям; чувство социальной несправедливости, повышенное чувство ответственности; невосприимчивость к традиционным приемам воспитания; развитая интуиция и чувство опасности; способность быстро осваивать цифровые технологии [4].

Ребенок Индиго – это такой ребенок, который демонстрирует новый необычный набор психологических характеристик, а особенности его поведения, как правило, предполагают, что взаимодействующие с такими детьми (в частности, родители), чтобы достичь оптимальных взаимоотношений, должны изменить свое отношение к ним и методы воспитания.

Явлению «детей Индиго» были посвящены несколько фильмов и большое количество книг, но многие авторы расходятся во мнениях и представлениях. Несмотря на широкую известность, не существует ни одного научным образом проведенного исследования этого феномена. Скептически настроенные педагоги, психологи и журналисты отмечают, что само явление «дети Индиго» носит характер мистификации. Так, детский психолог Елена Голубева отмечает: «Говорить о детях Индиго как о научном явлении я бы остереглась. Для меня это, скорее, комплекс очень многих факторов, в том числе меняющихся с развитием общества методов воспитания. На сегодняшний день у нас изменилось социально-психологическое отношение к детям, поэтому изменились и сами дети» [5]. Галина Пилягина, профессор кафедры детской судебной психиатрии Национальной медицинской академии последипломного образования им. П. Л. Шупика, доктор медицинских наук, называет теорию индиго одним из наиболее красочных современных мифов и одновременно полем для самых разных интерпретаций и считает, что вся шумиха вокруг таких детей

в большей степени связана с психологией и проблемами родителей, а не с детьми [5]. Лариса Гридковец, кандидат психологических наук, подчеркивает: «Если, например, возникает идея седьмой расы, значит это кому-то нужно, и чем дальше, тем больше история с детьми Индиго похожа на некий бизнес-проект, точнее – развитую идеологическую инфраструктуру. Сегодня формируются целые организации, которые работают на культивацию мифа индиго, в ход запускается реклама и публикации в СМИ. Такой идеологический спрос существует, вопервых, за счет заказчиков – собственно родителей, которые не могут полноценно исполнять свои родительские обязательства. На фоне родительского постепенно формируется и экономический заказ» [5]. Доктор психологических наук и доктор педагогических наук Александр Савенков предлагает данное явление квалифицировать как весьма серьезную социально-психологическую патологию, поразившую сознание современного российского обывателя [6].

Мы считаем, что термин «дети Индиго» в настоящее время нельзя назвать научно обоснованным. Скорее, введение этого термина в поле обсуждения проблем воспитания подрастающего поколения и межпоколенных отношений уместно было бы назвать попыткой создать и утвердить в сознании многих людей (прежде всего взрослых) миф, и этот миф попал «на благодатную почву». Можно выделить несколько причин востребованности этой идеи.

1. В процессе изучения многочисленной литературы об этих детях становится очевидным, что в данную категорию попадают дети, которые с точки зрения современных классификаций детского развития могут оказаться как одаренными, так и с проблемами в развитии. Из описаний и примеров зарубежных авторов нередко следует, что речь идет о так называемых «трудных» детях, о детях с признаками аутизма, синдрома дефицита внимания и гиперактивности, нарушений в развитии моторики, речи, общения и др. В то же время эти дети могут обладать способностями, характеризующими их как одаренных, но классифицировать данные виды одаренности с точки зрения привычных схем довольно сложно. Нередко это проявление каких-либо паранормальных, экстрасенсорных способностей либо повышенной чувствительности, чувствительности к природным или социальным явлениям. Действительно, есть дети, обладающие способностями и особенностями, которые трудно обозначить точно. Скажем, к какой категории можно отнести «девочку-рентген» Наташу Демкина из Саранска, которая «видит» внутренние органы людей, что подтверждено медицинскими исследованиями [7]?

2. Действительно, современные дети стали другими; об этом сегодня говорят российские педагоги, психологи, учителя школ, воспитатели детских садов. Независимо от зарубежных исследователей, в России двух последних десятилетий тоже появилась литература о таких детях, правда без использования термина «дети Индиго» (например, «Новые дети» И. Я. Медведевой и Т. Л. Шишовой) [8].

3. Однако дело не только в том, что в конце XX в. появились какие-то необычные дети, а в том, что общество (педагоги, родители, психологи) начало интересоваться феноменом детства, пристальнее всматриваться в детей, подмечать индивидуальность ребенка, его непохожесть на других. Для отечественного читателя этот интерес тем более оправдан, если вспомнить, что долгие десятилетия отечественные педагогика и психология говорили о некоем «усредненном» ребенке, о «возрастных нормах» развития, за пределами которых оказывалась яркая индивидуальность «нестандартных» детей, не вписывающихся в имеющиеся общепринятые рамки и схемы.

4. Стремительные общественные изменения приводят к резкому изменению характера межпоколенных отношений, которые характеризуются ростом конфликтности и во все большей степени принимают превращенные (искусственные) формы. К этим последствиям ведут деформация традиционной общественной системы ценностей, изменение численных диспропорций между взрослыми и молодыми поколениями в обществе, структурные и функциональные аспекты кризиса традиционной семьи, резкое падение рейтинга семьи как социального института [9].

5. На фоне роста числа детей, отличающихся от нормы развития и имеющих ярко выраженные личностные и поведенческие особенности, а также нарастания кризисности отношений признание феномена детей Индиго освобождает взрослых от решения множества проблем детского развития, а также возникающих, множась и усиливающихся межпоколенных проблем. В этом легком перекидывании и списывании проблем на феномен детей Индиго проявляются отсутствие сил и времени взрослых разбираться в проблемах ребенка, а подчас и нежелание возлагать на себя эти тяготы, что является подтверждением растущей дозированной родительских функций, родительского эгоизма и их порциальной ответственности.

6. Не стоит забывать о высокой степени мифологизированности сознания русского человека как одной из самых характерных особенностей русской ментальности, о чем подробно писал

в начале XX в. Н. А. Бердяев. Многочисленные иллюстрации этой идеи широко представлены в русской художественной литературе.

Таким образом, с научной точки зрения феномен детей Индиго может быть признан реальной проблемой современности, появление и существование которой имеет как объективные причины, так и значительное число надуманных, мифологизированных современной ситуацией в системе культуры и воспитания ценностей и установок, порожденных западным образом жизни, западной системой ценностей и установок, а также субъективными, а нередко и конъюнктурными взглядами на современный институт детства и его место в современном обществе. Мы также не можем не констатировать, что появившийся на этой основе миф о детях Индиго является отражением общих представлений современных исследователей этой темы, которые в чувственно-конкретной форме констатируют нарождающееся осознание кризиса, наступившего в системе ценностей, целей и связей по вопросу воспитания и социализации подрастающих поколений в обществе префигуративных отношений.

В 1988 г. впервые была переведена и издана на русском языке работа «Культура и преемственность» Маргарет Мид – американского антрополога, ученицы Франца Боаса. Она была первым этнографом, для которого мир детства стал основным и главным предметом исследования. Проводя полевые исследования на островах Океании, она собрала огромный материал о социализации детей в примитивных культурах. Проанализировав особенности социализации подрастающего поколения в примитивных культурах и в цивилизованном обществе, она создала теорию о специфике межпоколенного взаимодействия и выделила в человеческой истории три типа культур с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями:

1) постфигуративная культура – дети учатся у своих предков. Так, в патриархальном обществе, опирающемся на традицию и ее живых носителей, стариков, отношения возрастных групп жестко регламентированы, нововведения не одобряются, каждый знает свое место, господствуют чувства преемственности и верности традициям.

Постфигуративные культуры ориентированы на прошлое;

2) кофигуративная культура – дети и взрослые учатся у равных, т. е. у своих сверстников. Влияние старших падает, а сверстников растет. Расширенная семья заменяется нуклеарной, поколеблена незыблемость традиций. Повышается значение юношеских групп, возникает особая молодежная субкультура. Термин «кофигуративный» (приставка «ко» обозначает

вместе, сообща) отражает факт сотворчества учителя и учеников.

Кофигуративные культуры ориентированы на настоящее и умеренный темп прогресса;

3) префигуративная культура – взрослые учатся у своих детей. Такие культуры возникли с середины XX в. и объединились электронной коммуникативной сетью. Они определяют новый тип социальной связи между поколениями, когда образ жизни старшего поколения не тяготеет над младшим. Темп обновления знаний настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики. Обостряются межпоколенные конфликты, молодежная культура перерастает в контркультуру.

Префигуративные культуры ориентированы на будущее и ускоренное движение. Жизнь в условиях префигуративной культуры поощряется человек с развитой индивидуальностью; творчески активный; способный, ориентируясь на будущее, прогнозировать, фантазировать, гибко переходить на новые виды деятельности даже в ситуациях неопределенности.

В середине XX в. с трудом верилось в возможность прихода префигуративной культуры взаимоотношений взрослых и детей. Сейчас слова, написанные М. Мид еще в 60-х гг. XX в., поражают гениальностью предвидения: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Современные дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так и будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно» [10, с. 361].

Заключение. В современном нам обществе мы не только явно наблюдаем многочисленные проявления кофигуративной культуры передачи социокультурного опыта, но и констатируем стремительное распространение префигуративной культуры трансляции межпоколенного опыта. Все это позволяет ставить вопрос о феномене наступления *новой неклассической эпохи детства*, которой свойственны свои особенные черты. К числу позитивных изменений мира детства можно отнести: быстроту адаптации к динамичным изменениям общества, легкость освоения технических средств, расширение материального мира ребенка, сближение позиции взрослых – ребенок. Негативными изменениями можно считать:

нестабильность и повышенную восприимчивость сознания и поведения ребенка, повышенную конфликтность в отношениях ребенка с миром взрослых, угасание традиций сюжетно-ролевой игры, утрату значительной части наследия детского фольклора, чрезмерную погруженность в виртуальный мир.

В этой ситуации чрезвычайно важно использовать принцип верификации, а именно проверки обсуждаемой нами проблемы детей Индиго на объективность, доказательность с использованием научных методов, выяснением истоков, условий и причин ее появления в культуре и обществе. Вот здесь-то мы и сталкиваемся с главной проблемой – эта тема научным образом практически не описана и не понята как в силу ее молодости, новизны, так и в силу привнесенных и искажающих ее восприятие установок; а также значительным субъективизмом ее подачи и восприятия, подогреваемыми конъюнктурными причинами распространяющих эту тему в околонульном и бизнес-пространстве людей. Кроме того, нельзя не заметить связь этой темы с пространством мифологизации современной культуры как для западного либерального общества, так и для отечественного, в значительной степени ориентирующегося на западные идеи и ценности, что особенно заметно в переходные периоды развития его истории.

В целом сложившаяся в современном социально-гуманитарном знании ситуация по проблеме детей Индиго может быть охарактеризована как противоречивая и во многом мифологизированная – и в силу всего лишь начала пути по ее исследованию, со свойственной этому периоду «детской болезнью левизны», и вследствие онтологического и гносеологического конфликта по самой ее сути.

Литература

1. Верче, Д. Забота о детях индиго / Д. Верче. – М.: Изд. дом «София», 2005. – 272 с.
2. Нью-эйдж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%FE%FD%e9%E4%E6>. – Дата доступа: 24.02.2012.
3. Земун, Ю. Этерлинг. Мост в будущее. Дети Индиго в России / Ю. Земун. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 157 с.
4. Дети Индиго [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%FE%FD%e9%E4%E6>. – Дата доступа: 15.02.2012.
5. Дети цвета ультрамарин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta.24.ua/news/show/id/48842.htm>. – Дата доступа: 16.02.2012.
6. Савенков, А. «Дети-Индиго»: осторожно – мистификация / А. Савенков // Школьный психолог. – 2007. – № 4–5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psy.1september.ru/2007/04/6.htm>. – Дата доступа: 22.02.2012.
7. Кузина, С. Девочка-«рентген» снова удивила ученых / С. Кузина // Комсомольская правда. – 2006. – 14 января. – С. 5.
8. Медведева, И. Я. «Новые» дети / И. Я. Медведева, Т. Л. Шишова. – М.: Народное образование, 2000. – 224 с.
9. Шалаева, С. Л. Трансформация межпоколенных отношений в условиях современной глобализации / С. Л. Шалаева // Конфликтология. – 2011. – № 1. – С. 129–137.
10. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 420 с.

Поступила 15.03.2012